

Если бы не было песен,
которые он написал, может
быть, наша жизнь текла бы
сегодня по другим законам.
Олег Басиладшвили

ВАШ АНДРЕЙ ПЕТРОВ

композитор
в воспоминаниях
современников

Коллектив авторов

**Ваш Андрей Петров. Композитор
в воспоминаниях современников**

«ИП Князев»

Коллектив авторов

Ваш Андрей Петров. Композитор в воспоминаниях современников
/ Коллектив авторов — «ИП Князев»,

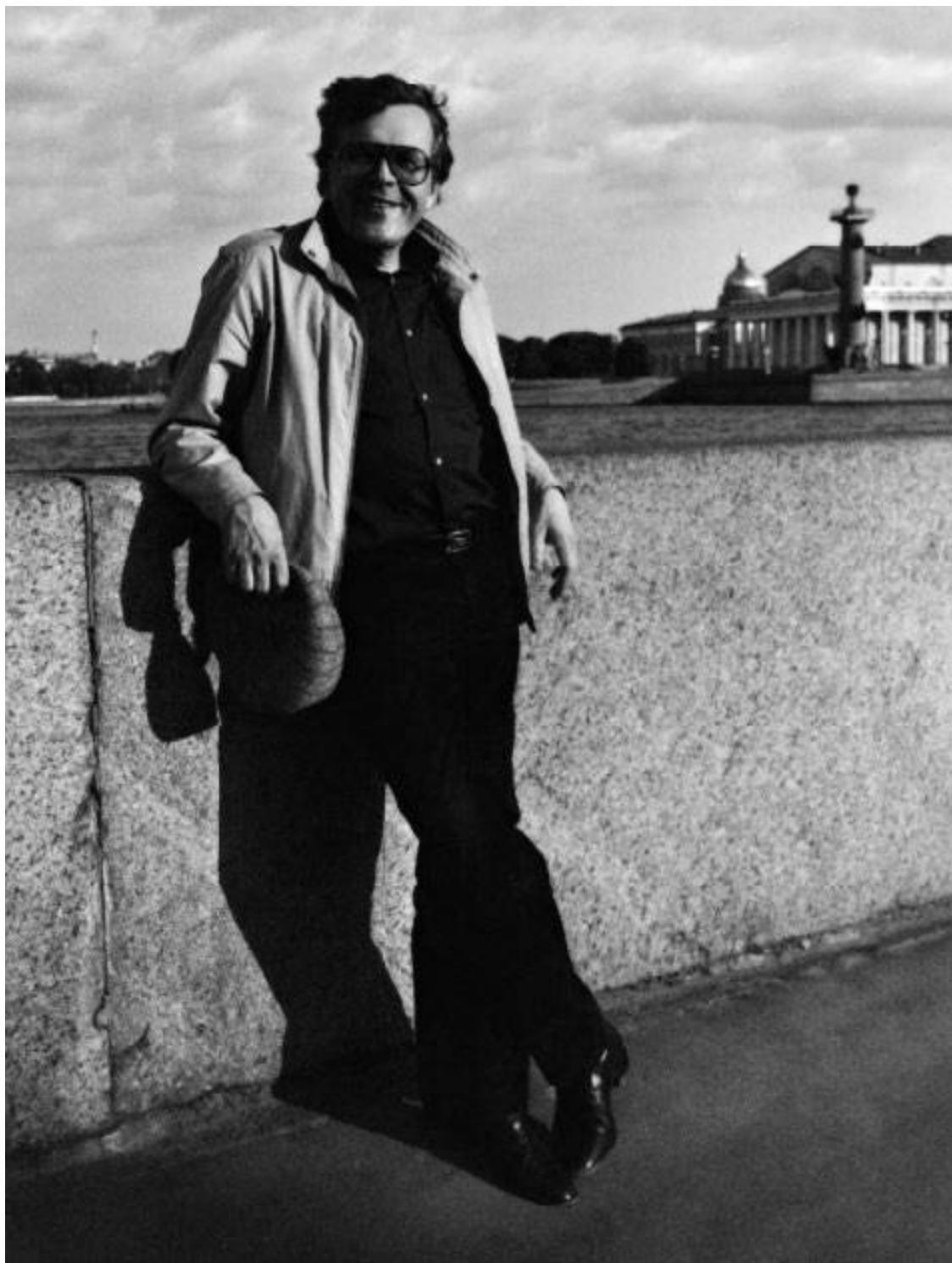
Эта книга – сборник воспоминаний о выдающемся музыкальном и общественном деятеле России, оставившем яркий след в отечественной музыке второй половины XX – начала XXI века. Сборник интересен стремлением многих известных людей нашего времени раскрыть прежде всего человеческие качества композитора. Этот труд поможет читателю по-новому взглянуть на путь мастера в музыке, осмыслить в контексте истории вечно актуальную тему «художник и власть».

© Коллектив авторов

© ИП Князев

Содержание

Портретная галерея одного героя	7
В этой жизни мы были соседями	9
Его песням хочется соответствовать	11
У него было железное «алиби»: музыка!	13
Каждый из нас пережил свое «Сотворение мира»	18
В «Осеннем марафоне» моего героя зовут Андрей Павлович	20
Рыцарь мелодии	24
Во-первых – совесть, а во-вторых – мудрость	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Олег Сердобольский
Ваш Андрей Петров. Композитор
в воспоминаниях современников

© Фонд А. П. Петрова, 2010

© О. М. Сердобольский, составление, предисловие, 2010

© Авторы статей, 2010

© И. В. Тарханова-Якубсон, оформление, 2010

© Издательство Ивана Лимбаха, 2010

Дома с любимым псом Риччи. 1971. Фото Ю. Колтуна

Портретная галерея одного героя Олег Сердобольский

Дружеский шарж М. Беломлинского

При одном упоминании этого имени – Андрей Петров – в душе сразу возникает мелодия. Причем у каждого – своя. Ее можно напеть, наиграть, просвистеть или просто промурлыкать себе под нос, как нечто родное, близкое, ставшее частью нашего многоголосого бытия. И сам этот человек был – Мелодией. Из какой-то внутренней мелодии личных воспоминаний страница за страницей складывалась и эта книга о нашем современнике, музыка которого вошла вместе с нами в новое тысячелетие.

Композитор Андрей Петров не хранил свои нотные черновики. Закончив работу, он старался побыстрее от них избавиться и оставлял лишь окончательный вариант сочинения. Муки творчества были его личным делом. А слушателям он дарил «чистовик» – как нечто, рожденное легкой вдохновенной фантазией. Но душевная просветленность, которая так привлекает нас в его произведениях, всегда исполнена большого энергетического напряжения, пропущенного через сердце творца. И потому написанная им музыка воспринимается в совокупности не только как портрет времени, но и как его собственный портрет. Он действительно очень узнаваем в том, что с молодых лет до конца дней запечатлевал нотными знаками.

Осталось множество его портретов, сделанных современниками. В облик Андрея Павловича пристально всматривались очень разные художники, находя в нем живые, обаятельные и не банальные черты и черточки. В детские годы Андрюшу со скрипкой и смычком запечатлела его мама – замечательная художница Ольга Ваулина. В пору молодости его, недавнего выпускника Консерватории, по-своему увидел Николай Акимов. Есть немало дружеских шаржей разных лет, тоже по-своему интересных и метких. А в зрелом возрасте композитора воплотил в бронзе скульптор Григорий Ястребенецкий.

Эту книгу тоже можно назвать попыткой создания его портрета. Последний прижизненный фестиваль музыки Андрея Петрова назывался «Сотворение мира продолжается». День за днем мастер сотворял свой музыкальный мир. А в этом сборнике друзья, коллеги, почитатели таланта композитора, люди разных поколений и разных профессий, сообща сотворяют картину «А. П.». В зеркалах памяти не может быть портретной точности, поскольку все собранные здесь свидетельства и факты преобразены временем, игрой чувств, причудами нашего пристрастного отношения к прошлому. Но, собранные вместе, они складываются в поразительную по спектру ощущений портретную галерею одного героя. Никто не ставит его на котурны, не стремится «упаковывать» в возвышенные слова. В собранных здесь монологах он, удостоенный всех знаков общественного признания, запечатлен в бурлении жизни, в замыслах и страстях.

В его инициалах, А. П., созвучных пушкинским, зашифрована та любовь к Пушкину, которую он пронес через всю жизнь и воплотил во множестве произведений. Как и великий поэт, он пережил и воспел и «веселия глас», и светлую печаль, и тоже стремился к покою и

воле, находя их в творческом уединении. И мы благодарны ему за музыку, с которой легче и светлее живется на белом свете.

А. Петров. Конец 1980-х. Фото Ю. Белинского

В ЭТОЙ ЖИЗНИ МЫ БЫЛИ СОСЕДАМИ

ЖОРЕС АЛФЕРОВ

физик

Мы не были близкими друзьями с Андреем Петровым, но в нашей жизни случались встречи, о которых я вспоминаю с сердечной теплотой и радостью от сознания, что знал его. А началось наше знакомство с того, что в дом на Петровской набережной, который называют «Дворянским гнездом», переехал мой близкий друг, один из самых замечательных ленинградских актеров, Владислав Стржельчик. К тому времени Андрей Павлович уже был в этом доме старожилом. Мы с ним встретились в гостях у Владислава Игнатьевича и как-то очень непринужденно, что называется, без разведки, сошлись в разговоре.

А потом представился случай пригласить его в наш Научно-образовательный центр, где мы в 1999 году открыли лекторий «Прощание с XX веком» (позже он стал называться «Наука и культура XXI века»). И Андрей Павлович по моему приглашению выступил там с лекцией о современной петербургской музыке. В нашей лектории выступало много интереснейших людей, но та встреча, какую провел он, была особенной. Он то и дело садился за пианино и иллюстрировал сказанное фрагментами. Его лекцию слушали школьники, студенты, научные сотрудники – и всем им было очень интересно с ним общаться.

Андрей Петров – это большое имя в нашей музыке. Думаю, мы просто не знаем композиторов, которые бы так успешно, как он, работали в самых разных жанрах. Я точно помню дату той музыкальной встречи в лектории – она проходила 15 марта 2002 года. Это был день моего рождения, и чудесней подарка по такому случаю трудно было пожелать.

А вот о последнем, музыкальном подарке Андрея Петрова я вспоминаю и с глубокой благодарностью композитору, и одновременно с горьким чувством, потому что сам Андрей Павлович, увы, не дожил до его исполнения. Это был фестиваль «Почетные граждане Санкт-Петербурга», учрежденный по инициативе Петрова. В тот вечер 13 марта 2006 года в Большом зале Филармонии в мою честь исполнили премьеру его вокально-поэтической сюиты для баса, чтеца и оркестра «Если звезды зажигают...» на ранние стихи Владимира Маяковского.

Андрей Павлович знал, что я люблю поэзию Маяковского. Так вышло, что «Если звезды зажигают...» оказалась одним из прощальных произведений Андрея Павловича, поэтому оно и навеивает на меня бесконечную грусть. А поначалу предполагалось, что следующий концерт фестиваля будет посвящен ему...

Есть продолжение истории с «Дворянским гнездом», с которого я начал эти заметки. У нас была квартира недалеко от Научно-образовательного центра, на улице Жака Дюкло. И Тамара, моя супруга, стала меня убеждать, что хорошо бы продать эту квартиру и купить другую, в центре. Я сразу решил, что квартира должна быть на Петровской набережной. Как раз

посередине между Научно-образовательным центром и Академией наук на Васильевском острове, где я тоже работал. И как-то на одной из наших встреч Андрей узнал об этом нашем семейном намерении и тоже включился в поиски. Вдруг он звонит и сообщает, что продается квартира на одной лестничной площадке с ним. Кто-то оттуда съезжает. Конечно, я обрадовался такому варианту – быть соседом Андрея Петрова. К огромному сожалению, нам не удалось сговориться, потому что сумма, которую запросил хозяин квартиры, оказалась для меня просто неподъемной. Ну а потом, когда я получил Нобелевскую премию и мог решить этот «квартирный вопрос», тот человек уже передумал продавать квартиру. Андрей ужасно огорчился. Ему тоже, видимо, было бы приятным наше соседство.

В конце концов, я купил квартиру в соседнем с ним доме, принадлежащем военно-морскому ведомству. Само ощущение соседства с ним было, в первую очередь, даже не географическим, а человеческим. И когда я слышу его музыку, мне всегда кажется, что она адресована и лично мне.

Пресс-конференция в редакции газеты «Санкт-Петербургские ведомости». 2005. Фото С. Грицкова

Его песням хочется соответствовать

СЕМЕН АЛЬТОВ

писатель

У каждого человека свои отпечатки пальцев и только ему присущий смех. Андрей Павлович смеялся, как ребенок. Откидывал назад голову и рассыпался тихим смехом, при этом за стеклами очков прыгали веселые зайчики. Рассмешить такого человека – большая честь.

Я горжусь тем, что несколько раз мне это удавалось.

Ниже – текст поздравления, которое я читал Андрею Павловичу в Доме композиторов в день его семидесятилетия.

«Букв тридцать три. Нот всего семь. Число комбинаций из тридцати трех гораздо больше, чем из семи. Писателям есть, где разгуляться! А композиторам с их семью белыми клавишами и пятью черненькими – тесновато.

Не хочу обидеть гениальных писателей, но великих композиторов знает и любит больше народу. „Войну и мир“ Льва Толстого наизусть процитирует не каждый интеллигент. А песни Андрея Павловича напевают, бормочут, мурлычут миллионы!

Сегодня музыка вместе с литературой стремится стать ближе к народу. Делая народ все проще и проще. А жизнь все менее интересной. Бороться с пошлостью запретами бесполезно. Можно только продолжать писать высокую музыку, как это делает Андрей Петров. Иную музыку он сочинять не умеет.

То, что в литературе сюжет, – в музыке мелодия. Потому так запоминаются музыкальные истории Андрея Павловича.

В его музыке история страны.

По тому, что и когда пели, можно понять, как люди жили.

В песнях Андрея Павловича лирическая сторона нашей жизни. Про лучшее в человеке. Его песням хочется соответствовать.

А всего-то семь клавиш беленьких и пять черненьких... Когда есть что сказать, этого вполне достаточно.

С днем рождения!»

У него было железное «алиби»: музыка!

СЕРГЕЙ БАНЕВИЧ

композитор

Мне хочется рассказать об Андрее Павловиче несколько историй, далеких от того монументального образа, который невольно складывается с годами, когда из жизни уходит личность большого масштаба.

Уж не помню, в каком году наш тогда еще Ленинградский Союз композиторов заключил договор о сотрудничестве с Дворцом пионеров. Подписание этого документа в Аничковом дворце было обставлено очень торжественно.

На прекрасной парадной лестнице играл духовой оркестр. Нас встретили две пионерки. И когда они в своих коротеньких юбочках пошли впереди нас по лестнице, отдавая салют неизвестно кому, я заметил, что очень уж непонятен их возраст. И Андрей Павлович, тоже обративший внимание по подозрительную зрелость пионерок, со свойственным ему юмором поинтересовался: «А вам какая из них больше нравится – левая или правая?» Я решил его предостеречь: «Тише, услышат!» – «Да нет, под такой оркестр ничего не слышно», – успокоил меня Петров, внешне оставаясь, как всегда, непроницаемым.

Было забавно наблюдать, как он ведет себя на заседаниях Правления нашего Союза. У нас люди порой высказывают какие-нибудь абсолютно абсурдные прожекты. Я как-то спросил у Андрея Павловича, как он поступает в таких случаях? И он сказал, что взял на вооружение проверенный десятилетиями опыт Тихона Хренникова.

«Вот, к примеру, встает человек и предлагает прорыть туннель от Дома композиторов до Большого зала Филармонии или поставить вдоль Большой Морской памятники всем членам Союза. Я тут же реагирую: „Это изумительная мысль! Я предлагаю создать комиссию по разработке проекта, а вас сделать председателем“. Все голосуют „за“, и человек, затеявший всю эту нелепицу, уже сам начинает понимать, в какое глупое положение он себя поставил».

А как он чихал!.. Люди, поднимавшиеся по лестнице Дома композиторов, вздрагивали от неожиданности, когда на заседании Правления Андрей Павлович начинал чихать. Это был совершенно невероятный, громоподобный чих. Не менее основательно он зевал. Но надо отдать должное, что на заседаниях старался сдерживать себя. А порой смотрю на него и вижу или даже скорее чувствую, что он как бы отключается. Решил проверить это наблюдение – и, оказывается, попал в самую точку. «А я люблю немножечко поспать, – сказал Андрей Павлович. – Мне много не надо, всего несколько минут».

Был один забавный прием в его общении с людьми, когда он не испытывал восторга от содержания беседы. Я ему что-то говорю и чувствую – ему неинтересно. А он тем временем ко мне приглядывается и вдруг спрашивает: «А вы эту рубашку где покупали? В Гостином?» –

«Нет, в Апраксином». – «А знаете, у меня точно такая же рубашка есть, только цвет чуть-чуть более нежный». Он вовлекает меня в разговор, и я уже забываю, о чем говорил. Потом спохватываюсь, пытаюсь продолжить. Но он с таким же упорством начинает разговор о галстуках или о том, что сейчас модно, а что не очень.

Запись музыки на тон-студии «Мосфильма». Конец 1970-х

Работала на «Мосфильме» музыкальный редактор Раиса Лукина, пожилая и очень строгая дама, которую все боялись. А вот Андрея Павловича она любила. У них были теплые, дружеские отношения. И когда она приезжала в Ленинград, он непременно сам встречал и провожал ее на вокзале. Однажды в момент проводов на перроне он, всегда склонный к шуткам и розыгрышам, доверительно сообщил проводнице «Стрелы»: «Вы знаете, в вашем вагоне в третьем купе едет очень важная особа. Она очень чай любит. Пожалуйста, я вас очень прошу, позаботьтесь о том, чтобы не было проблем с чаем».

Наутро он ей звонит и интересуется, как она доехала. «Доехала хорошо, только вот не выпалась». – «Почему?» – «Да какая-то странная мне проводница попалась. Будила меня и без конца чаем поила».

Как известно, многие наши соотечественники в конце 1970-х, а особенно в 1980-е годы покидали страну в поисках лучшей судьбы. Коснулось это и нашего композиторского Союза.

Но если, к примеру, в Кировском театре эта процедура была для отъезжающего очень унижительной, то в Союзе композиторов все обстояло по-иному. Просто разыгрывался маленький спектакль.

«Скажите, – обращался Петров к композитору N., – вот вы, член партии, что будете делать в Израиле?» – «Я буду укреплять там роль КПСС», – отвечал отъезжающий. – «Ну, тогда всё в порядке», – заключал Андрей Павлович. И под хохот всех присутствующих человека отпускали, не нанеся ему душевной травмы.

Я говорил когда-то о нем, что он свой среди чужих и чужой среди своих. Да, в обкоме партии считали, что он – «свой», но на самом деле это совсем не так. Он никогда не был с ними. Помню эпизоды, когда требовалось подписывать коллективные письма против «антисоветчиков» Ростроповича и Солженицына. И составители этих писем очень рассчитывали на подписи Петрова и Темирканова. Но и тот, и другой строго предупредили домашних: если будут звонить, говорить: «Его нет. Он уехал». И ни одного такого письма они не подписали. Когда в очередной раз они в такой ситуации «уехали», разгневанный секретарь Ленинградского обкома партии Романов сказал: «Ну, я им это припомню». Но авторитет Андрея Петрова был настолько высоким, а его человеческое обаяние таким сильным, что никаких репрессий против него, к счастью, не предпринималось. У него было железное «алиби»: музыка!

Есть такая легенда, но, по-моему, это случилось на самом деле. У нас один композитор написал серьезное произведение на текст письма Ленина членам ЦК. Товарищам из обкома это очень не понравилось. Как, дескать, можно брать такие священные партийные документы и перекладывать их на музыку, да еще неизвестно какую? Решили созвать в Союзе общее собрание, чтобы эту пленку послушать, а потом вынести соответствующее решение. Но Андрей Павлович, как всегда, оказался виртуозом в таком щекотливом деле. Он вызвал заведующую фонотекой и сказал: «Вы эту пленку потеряли, я за это объявляю вам выговор, а потом его сниму. Вы всё поняли?» Она всё поняла. Так расстроилось это собрание и не полетели ничьи головы.

Поглядишь на Андрея Павловича – эдакий денди. Но за кажущейся светскостью он был человеком, принимавшим многое близко к сердцу, особенно когда людей незаслуженно обижали. И когда случилась история с бывшим главным режиссером ТЮЗа З. Я. Корогодским, он, не будучи близко знаком с Зиновием Яковлевичем, написал в его защиту письмо в суд. И на процессе его письмо зачитывали. Это было одно из писем, которое решило судьбу Зиновия Яковлевича. Его осудили, но приговорили к условному сроку. И Андрей Петров был единственным из известных мне музыкантов, кто выступил в защиту Корогодского. Впоследствии он так же практически единственный публично высказал по телевидению свое мнение о том, что такой человек, как Михаил Ходорковский, не должен сидеть в тюрьме, поскольку он не представляет социальной опасности, не является ни террористом, ни бандитом. Было это сказано очень убедительно.

Помню, после премьеры «Кая и Герды» в Мариинском театре ко мне пришли гости. Среди них были Андрей Павлович с женой и дочкой. И в какой-то момент я сказал, что больше не могу жить в этой стране. Андрей Павлович посмотрел на меня пристально и сказал: «А вы думаете – я могу?» В таком коротком диалоге были расставлены все точки над «i» в отношении гражданской позиции. Это был 1981 год, Афганистан... Есть у Ахматовой такие строки: «Никто нам не хотел помочь / За то, что мы остались дома». Вот Андрей Павлович был одним из тех, кто остался дома. У него была очень непростая жизнь, и как бы тяжело он ни переживал, но виду не подавал. Он много знал такого, чего мы не знали. Помню, мы с ним вместе смотрели мультфильм Юрия Норштейна «Сказка сказок». Когда мы шли из кинотеатра, я сказал: «Какой прекрасный фильм! Может быть, наступают другие времена, и нам будет легче дышать?» А он с грустью ответил: «Не обольщайтесь, Сергей Петрович».

К сожалению, в последние годы мы как-то перестали друг друга слышать, понимать. Возможно, в череде обид и огорчений, связанных с его отношением ко мне, была и моя вина.

Впрочем, наша последняя встреча подарила мне надежду, что все хорошее, что было в наших отношениях, вновь вернулось.

Когда мне исполнилось 50, я решил не делать события из этой даты, тем более, что заранее знал, кто что скажет и что будет написано в красной папке. Да и в Союзе композиторов в тот момент шли распри. Но дата есть дата. И на заседании Правления мне вручили адрес с известным мне текстом. А когда я решил, что все формальности позади, председатель Союза Андрей Петров вдруг сообщает, что ему надо выполнить приятную миссию: вручить мне... «Оскара». Он пояснил, что эта премия Американской киноакадемии распространяется и на некоторые другие виды искусства, и я получаю ее за детскую музыку.

Принимаю диплом, и у меня начинают плясать перед глазами фамилии – Элизабет Тейлор, Марлон Брандо, Джина Лоллобриджида... Я все же почувствовал подвох и поблагодарил Петрова за оригинальную шутку. «Какая же это шутка! – возмутился он. – Вы что, не видите подписей?»

В гробовой тишине он вручил мне статуэтку «Оскара». Ради приличия раздались жидкие аплодисменты. Кто-то меня поздравил, другие молча удалились. А на следующий день пошел слух, что Петров, пользуясь своими связями, по блату выбил мне в Америке «Оскара». Спустя некоторое время в нашем информационном бюллетене я выразил благодарность за поздравления с «Оскаром», отметив, что любой желающий может получить такую же награду, подав заявку в секретариат Союза композиторов. Но уж этому-то и подавно никто не поверил. Между тем Андрей Павлович действительно привез мне «Оскара» из США. Он купил его в обыкновенной сувенирной лавке. Стоит у меня этот «Оскар» дома на видном месте. И мне неважно, настоящий он или нет. В конце концов, разве в этом дело! Все равно той наградой я очень горжусь.

Был еще такой вот курьезный случай. Принимали в Союз одного композитора. Как водится, сначала слушают музыку, потом обсуждают. В тот день Андрей Павлович задержался на каком-то совещании и к началу опоздал. На счастье этого композитора-абитуриента, Петров столкнулся в вестибюле с артистом Малого театра Сергеем Сафениным, которого он не знал. Артист только что вернулся из зарубежных гастролей, на нем были прекрасный костюм, со вкусом подобранный галстук и розовые защитные очки. Андрей Павлович, как человек очень равнодушный к таким вещам, сразу обратил на него внимание и решил, что это и есть тот самый композитор, чья кандидатура рассматривается для приема в Союз. Поэтому войдя в зал, он сразу подключился к обсуждению и очень горячо высказался за кандидата и целесообразность его приема в Союз. Поскольку он был председателем, никто спорить с ним особенно не стал. Все проголосовали за прием. И когда позвали композитора, чтобы сообщить ему о решении, Андрей Павлович очень удивился, что это совсем не тот человек, который ему встретился в вестибюле. Но дело было уже сделано. К счастью, композитор оказался талантливым, невзирая на свой менее эффектный, чем у артиста Сафенина, костюм, и приняли его не напрасно.

Я знал Андрея Павловича задолго до нашего личного знакомства, еще со времен премьеры балета «Берег надежды». Тогда в Кировском я, еще студент Консерватории, сел на свободное место, а Андрей Павлович очень строго сказал, что место занято. Пришлось мне пересест. Я знал о свойственной ему манере держать дистанцию и не подпускать к себе людей слишком близко. И я никогда не напрашивался на близкие отношения. Правда, мы дружили с дочкой Андрея Павловича – Ольгой, которую я знал с малых лет. Я нежно называл ее «дитя-сестра». Она уже тогда писала очень хорошую музыку. Правда, я немного опасался, что имя отца будет как-то мешать ее индивидуальности. Но потом она стала самостоятельной творческой единицей, чему я был очень рад.

К моей музыке, как мне кажется, он относился очень тепло. И даже до нашего более близкого знакомства он обращался к собранию с предложением выдвинуть меня на Госпремию

СССР за «Стойкого оловянного солдата». Мне было приятно, пусть даже ничего из этого и не вышло.

Во многом Андрей Павлович был для меня человеком загадочным. После его кончины многие говорили: а мы и не знали, каким он был человеком. Вот только после его «Прощания с...» кому-то что-то приоткрылось. Даже не знаю, кого он подпускал к себе близко. Может быть, Бориса Гутникова. Пожалуй, только его... Лишь один раз я видел слезы у него на глазах. В тот день хоронили его маму Ольгу Петровну, совершенно изумительную женщину.

Да, он так и остался для меня загадкой. И навсегда он будет для меня личностью и бесконечно близкой, и бесконечно далекой.

Пресс-конференция в редакции газеты «Санкт-Петербургские ведомости». 2005. Фото С. Грицкова

Каждый из нас пережил свое «Сотворение мира»

МИХАИЛ БАРЫШНИКОВ

танцовщик

Андрей Петров был и остался частью той доброй памяти, которая связывает меня с Ленинградом-Петербургом. В последний раз мы встретились с Андреем в Нью-Йорке в 1998 году. Прошло уже больше четверти века со времени премьеры балета «Сотворение мира», где я танцевал партию Адама, а у меня во время нашей встречи было ощущение, что мы живем не так уж далеко друг от друга и в наших человеческих взаимоотношениях за эти годы по существу ничего не изменилось.

Каждый из нас в своей жизни и в профессии пережил свое «сотворение мира». Тот мир, который сотворил своей музыкой Андрей Петров, по-моему, очень похож на своего создателя. И потому об этом очень питерском человеке, повстречавшемся мне в начале пути, я вспоминаю со светлым и легким чувством.

«Сотворение мира», 1971

В «Осеннем марафоне» моего героя зовут Андрей Павлович

ОЛЕГ БАСИЛАШВИЛИ

актер

Музыка Андрея Петрова слита с тем временем, в котором он жил. Его песни переносят нас в середину 1960-х, в 1970-е годы – и мы живо вспоминаем ту эпоху. Но, в отличие, к примеру, от «Рио-Риты», его песни, звуча сегодня, могут характеризовать и нынешнее время. Они не остались в двадцатом веке, их, думаю, хватит и на век двадцать первый.

Я вообще считаю, что Андрей Павлович Петров до конца не оценен музыкальными критиками как песенный композитор. Ведь его вклад в песенную культуру нашего народа просто громаден. И если бы не было песен, которые он написал, может быть, сегодняшняя жизнь текла бы по другим законам. Так он влиял на сердца и души слушающих его людей.

Но я говорил пока только о песнях, а он ведь еще и симфонический, и театральный композитор. И вот однажды довелось мне услышать и пережить его музыку, находясь словно внутри ее. Андрей Павлович позвонил мне и предложил принять участие в первом исполнении его поэтории «Пушкин». В этой премьере мне отводилась роль чтеца. Должен признаться, это было тяжелейшее испытание. Я вообще не люблю такого рода концерты, они только выпивают кровь из человека и ничего не дают взамен. Но в том случае мне на редкость повезло.

Началось с того, что я пришел к Андрею Павловичу домой, чтобы послушать поэторию в авторском исполнении. Он сел за инструмент, стал играть, петь и говорить. Но я из всего этого ничего не понял, кроме того, что вступать мне со стихами будет безумно трудно. Да и само исполнение не произвело на меня сильного впечатления. Зато когда я пришел на оркестровую репетицию и услышал то же самое в симфоническом исполнении, то был глубоко потрясен. Есть такие секреты у музыкальных мастеров – как они переливают свои сочинения в звучание тромбонов, виолончелей, скрипок. Это чудо какое-то, непостижимое для меня. Когда я все это услышал, у меня мурашки по коже пошли. Там было что-то такое, чего даже умный человек порой не понимает, читая Пушкина...

Андрей Павлович сам составил список пушкинских стихотворений, которые должны были в этой поэтории звучать. И они чудесным образом перекликались с музыкой, жили с ней во внутреннем единстве. И мне еще предстояло включиться во все это, – не испортив ни Пушкина, ни Петрова. За моей спиной сидел громадный симфонический оркестр. К моему огромному счастью, за дирижерским пультом стоял Юрий Темирканов, и его эмоциональное соучастие в моей чтецкой партии очень мне помогло. Он как-то умел объединять поэзию с музыкой и одно в другое переливать.

Я почувствовал, что являюсь частью этого симфонического оркестра, что я – не просто чтец, а особый исполнитель, который вступает в момент, когда музыка из нотной записи переходит в музыку звучащего слова. Для меня музыкальный строй поэтории открыл очень многое в Александре Сергеевиче, в его поэзии. Как часто глубинные слои того, что написано у Пушкина, проходят мимо нашего сознания! Мы Пушкина учили в школе, в институте, а потом, когда начинали вчитываться, то выяснялось, что мы совсем не так его понимали, что многое в нем таится, сокрытое, как гигантская часть айсберга под водой. И вот эту подводную гигантскую часть Андрей Петров выводил на свет – четко, точно и в то же время очень осторожно.

Как же я волновался в день премьеры! К вечеру волнение стало нарастать. И когда уже перед концертом я подошел к служебному входу в «Октябрьский», у меня вдруг мелькнула мысль – а что, если... там кусты такие стоят, вот спрятаться в кустах, нет меня – и всё, что хотите, то и делайте. Потому что у меня сердце буквально изо рта выскакивало от ужаса и страха.

Ну а во время концерта, когда я все-таки справился со своим состоянием, мне было одновременно и очень трудно, и очень легко. Трудность заключалась в том, чтобы ничего не испортить, вступить вовремя и именно с той ноты, которой оркестр закончил свой эпизод. Мне предстояло суметь не вырваться, не спрятаться, а быть как бы продолжением оркестра и, закончив читать, передать музыкантам эстафетную палочку, словно из меня вышла эта музыка, как будто она из моей души исходит. Самым большим откровением в поэтории оказалась для меня встреча с музыкальной поэзией Андрея Петрова.

Потом в Кировском театре я увидел балет «Пушкин» на ту же музыку. Признаться, спектакль не произвел на меня такого впечатления. В концерте, который занимал меньше времени, чем балетное представление, все было очень сконцентрировано. А в балете шли повторы, и музыка, как мне показалось, несколько размылась. Но все равно было здорово!

Ну а в своей музыке для кино Андрей Павлович – вообще абсолютный гений, что там говорить! Если бы не его музыка к фильму «Путь к причалу», картина потеряла бы половину своего обаяния. Эти склянки, которые там бьют, ввергают нас в пучину просоленной, морской, русской нашей бездарной жизни и в то же время напоминают о людях, которые служат родине, не думая об этом!.. За его музыкой возникает то, чего, может быть, в картине и не было, но что удивительным образом дополняет ее. Я уже не говорю о том, что Георгий Данелия – прекрасный режиссер и, конечно, фильм очень хороший. Но здесь музыка не является чем-то второстепенным, она существует на равных, а порой, может, и выходит на первое место.

Кадр из фильма «Осенний марафон» (1979). Бузыкин – О. Басилашвили, Алла – М. Неёлова

Или рязановские фильмы... Допустим, «Служебный роман». Ведь та мелодия, которую часто повторяют по радио, телевидению, абсолютно точно связана с местом и временем действия фильма. Вот чудо таланта Андрея Петрова: он мог совершенно точно выразить время и место! Эта музыка невозможна была бы в ленинградском фильме, потому что это – музыка московская, связанная с углом Кузнецкого моста и Петровки.

Однажды я ему сказал: «Никак не могу понять, Андрей Павлович, как вы вызываете в душе музыкальные образы?» Он пытался объяснить, но я так ничего и не понял. Все же догадываюсь, что само возникновение такой музыки связано с самым высоким поэтическим началом. Пушкин слышал какой-то шум, который заставлял его брать перо и словно бы расшифровывать этот шум, как сгусток поэзии. Мандельштам просто слышал стихи и торопился записать то, что слышал. Каждый настоящий поэт является как бы приемником того, что находится в эфире. Более чувствительная душа настроена на эту волну и воспринимает то, что диктует Космос, Бог. Вот я приписываю Андрея Петрова именно к такого рода людям. Ему диктовали, его рукой водили, конечно, разум и душа, но в то же время эта музыка поэтическая нисходила к нему свыше, и он успевал только записывать, исправляя, удивляясь тому, что он что-то неточно записал. Но это все действительно исходило оттуда, как у любого большого композитора.

Мне известно, на какие самоограничения подчас он шел. Вот, к примеру, фильм «Осенний марафон». Я присутствовал при разговоре, когда Георгий Данелия заказывал ему музыку. Разговор был такой: музыка в принципе в фильме и не нужна, сказал режиссер. Она нужна как метроном, который отсчитывает бессмысленно прожитое героем время. И вдруг появилась эта мелодия: там-пам-пам, тампам-пам... Метроном, или будильник, или часы на руке, неумолимо отсчитывающие время, которое уходит, уходит, уходит – и никогда больше не вернется... Какое самоподчинение композитора автору фильма! Но, ограничив себя, он абсолютно точно выразил то, что хотел режиссер.

Кстати, моего героя Бузыкина в «Осеннем марафоне» зовут Андрей Павлович. Я наблюдал за манерой поведения Петрова и, конечно, ни в коей мере не стремился ее копировать, но эта мягкость поведения, улыбка вечная на устах, несколько даже виноватая (а в чем виноватиться – великий композитор!), но все же чуть виноватая улыбка и заикание его, которое, как мне казалось, шло от излишнего почтения к собеседнику, – это все свойственно и моему Бузыкину.

С Олегом Басилашвили. 1997

Поэтому его и называли Андреем Павловичем. А кепка, в которой я ходил, – это кепка, подобная той, которую носил Александр Моисеевич Володин. Так что тут два персонажа слиты воедино – Володин и Петров. Ну, конечно, и я в том числе, как исполнитель. И Данелия – тоже, поскольку он фильм пытался снять о своей судьбе. Так что вот такая история... После просмотра «Осеннего марафона» Андрей Павлович сказал мне: «Европейская картина».

Замечательную музыку написал он к «Небесам обетованным». И вот что удивительно: она настолько точно выражает то, что происходит в картине, что я эту музыку даже не помню. Она вошла в плоть картины и в ней растворилась. Это тоже дар – так войти и остаться, как будто ее и нет. Мелодия для скрипки словно вырастает из плоти картины и пронизывает ее. Это гигантский дар самоограничения и нежелания показать себя с глянцевой стороны, дар большого художника.

И вот сейчас, когда его нет с нами, никто эту пустоту не заполнил. Но о нем можно сказать пушкинской строкой: «Нет, весь я не умру...». Я убежден, что его музыка будет звучать всегда, потому что она адресована напрямую человеческой душе, а душа в любых временах очень чутко воспринимает все то, что отмечено искрой Божьего дара.

Рыцарь мелодии

АЛЕКСАНДР БЕЛИНСКИЙ

режиссер

Как летит время! Это произошло больше полувека назад. Позвонил мне один композитор. Сознательно не называю его фамилии. Он был интеллигентнейшим и образованнейшим человеком. Но, как выяснилось, этого мало для сочинения *мелодичной* музыки. Подчеркиваю: мелодичной. Музыка без ярко выраженной, запоминающейся мелодии не может быть в спектакле или кинокартине. Особенно в оперетте. Говорю со всей ответственностью, работая в этом жанре ни много ни мало более шестидесяти лет.

Так вот, композитор предложил мне поставить в Театре музыкальной комедии оперетту «Жили три студента» по пьесе А. Зака и И. Кузнецова «Слепое счастье». Приглашение было подтверждено тогдашним художественным руководителем театра Юлием Осиповичем Хмельницким. Он назвал мне по телефону авторов музыки – Андрея Петрова и того композитора, который позвонил мне накануне. Балет Андрея Петрова «Станционный смотритель» я видел в Кировском (ныне снова Мариинском) театре на выпускном спектакле Хореографического училища. Там очаровательно танцевали под мелодичную музыку Галина Покрышкина и Игорь Чернышев. Главное в этой музыке было тончайшее проникновение в гениальный первоисточник Пушкина. Ощущение стиля XIX века вообще являлось отличительной чертой музыки Андрея Петрова.

А. Петров покупает билет на «Сотворение мира». 1971

Собрались мы в Театре музыкальной комедии у тогдашнего главного дирижера Михаила Петровича Воловаца, пианиста, что называется, от Бога. Композитор, которого я не называю, очень долго рассказывал, что он имел в виду, сочиняя свою музыку. Затем сыграл что-то весьма невыразительное. Ну а Петров просто отдал дирижеру клавиш трех номеров. Воловац сел за рояль. Он играл с листа, как никто до него и после него. Номера назывались: «Когда экзамен на носу», «Песня Лики» и каскадный дуэт «Лавровый лист». Тогда еще не было слова «хит», а слово «шлягер» уже выходило из моды. Воловац облизывался, как кот на сметану, приговаривая: «Как вкусно!» То же самое происходило на первой оркестровой репетиции. А

на премьере все номера Андрея бисировались. Как жаль, что Петрову (как и Кальману) не везло с либретто оперетт, но номера из них исполняются по сей день во главе с арией Волны-Задунайской, сочиненной для великой актрисы оперетты Г. В. Богдановой-Чесноковой.

А вот с балетом – другое дело. Невозможно объяснить, почему не идет музыкально-хореографический шедевр «Сотворение мира» в постановке Н. Касаткиной и В. Василёва. Вспомним незабываемую премьеру этого балета с Ириной Колпаковой, Михаилом Барышниковым, Юрием Соловьевым, Валерием Пановым. Да и сейчас найдутся отличные исполнители во главе с Дианой Вишневой.

Я решил снять фильм-концерт по знаменитым номерам Андрея Петрова. Он знал, что моя любимая музыкальная форма – вальс. Приглашая меня на премьеры своих новых сочинений, он всегда говорил: «Не беспокойся, там будет вальс». Я не боюсь преувеличения. По количеству сочиненных им прекрасных вальсов Андрей Петров стоит рядом с гениями Сергеем Прокофьевым и Дмитрием Шостаковичем. В моем фильме «Голубые города» звучит поистине волшебный вальс из кинофильма «Берегись автомобиля». Я взял степ и танго из кинофильма «Зайчик», и Гали Абайдулов поставил отличные танцы. Что же касается исполнителей песен, то их имена я не раскрывал Андрею до первой оркестровой репетиции. Когда он вошел в студию, его глазам предстали Кирилл Лавров, Николай Караченцов, Людмила Сенчина, Эдита Пьеха и... сама неповторимая Нани Брегвадзе, прилетевшая из Тбилиси. Андрей с дивным гитаристом Димой Кижаяевым тут же бросились вносить поправки в клавиш.

«Голубые города» – это мелодический пир. Андрей Петров был и остается верным рыцарем мелодии, как основы музыкального сочинения. Пример тому – «Уличные мелодии в смокингах», сочинение для оркестра. Слава богу, что существует диск с отличной записью оркестра под управлением Александра Дмитриева. На эту музыку я сочинил либретто кинобалета. Мы договорились о его постановке. Теперь, надеюсь, это будет фильм, посвященный светлой памяти замечательного мелодиста.

Пресс-конференция в редакции газеты «Санкт-Петербургские ведомости». 2005. Фото С. Грицкова

Во-первых – совесть, а во-вторых – мудрость

БОРИС БЕРЕЗОВСКИЙ

музыковед

Мальчишки довоенных лет по многу раз бегали смотреть кино «Чапаев». В моем же детстве таким «Чапаевым» стал фильм «Человек-амфибия». Хорошо помню, как выйдя из зала, я, совершенно ошарашенный, тут же купил билет на следующий сеанс. А на завтра вновь пошел на «Человека-амфибию» – так потрясла меня музыка из этого фильма.

Мне тогда было лет тринадцать-четырнадцать. Я заканчивал музыкальную школу по классу фортепиано, пытался играть на трубе, подбирал по слуху эстрадные песни и джазовые темы. В магазинах продавались ноты с облегченными фортепианными переложениями классических джазовых пьес. Автором многих из этих переложений являлся А. Петров. Я был абсолютно уверен, что это тот самый Петров, который и написал музыку к «Человеку-амфибии». Много лет спустя я как-то заинтересовался у Андрея Павловича – не его ли это работа. Оказалось, что нет. Автором тех переложений был другой Петров, однофамилец по имени Аркадий. Мог ли я тогда представить, что когда-либо буду работать под началом Андрея Петрова и что именно он сыграет столь существенную роль в моей судьбе?

Ну а наше личное знакомство состоялось в конце лета 1990 года. Причем, в ходе этой первой встречи произошел поистине анекдотичный эпизод: Андрей Павлович вынужден был предъявить мне свой паспорт. А дело было так.

Я тогда сотрудничал с газетой «Смена» в качестве внештатного музыкального обозревателя. В те памятные августовские дни весь коллектив редакции бастовал у Мариинского дворца – было и такое в те перестроечные времена. И вот прямо на площади ко мне подходит заместитель главного редактора, кстати, тоже Андрей Петров, и говорит: «Борис, Андрею Павловичу Петрову исполняется 50 лет. Надо взять у него интервью». Лучшего редакционного задания для музыкального обозревателя и быть не может.

Звоню Андрею Павловичу, представляюсь. Договариваемся о встрече, и я впервые оказываюсь у него дома на Петровской набережной. Сидим мы, разговариваем – и вдруг я чувствую, что в хронологии идут какие-то смешные нестыковки. Причина этих нестыковок заключалась в том, что я поверил заму главного редактора и был уверен, что Петрову в сентябре исполнится 50 лет.

Когда же Андрей Павлович сказал, что ему стукнет 60, я отказался верить – столь молодо он выглядел. Тогда-то Андрей Павлович и принес паспорт. Этот эпизод он часто вспоминал потом не без улыбки.

В результате в «Смене» вышел мой большой материал, очень понравившийся юбиляру, о чем он мне не преминул сказать по телефону. Я думаю, что с этого и началось наше дальнейшее сотрудничество.

Как раз в те дни созрела в городе идея возрождения Филармонического общества Санкт-Петербурга, которую энергично пробивал музыковед Михаил Григорьевич Бялик. От него во всех инстанциях долго отмахивались, но он-таки всех достал. И вот однажды меня пригласил к себе директор Филармонии Борис Михайлович Скворцов, под началом которого я много лет работал в Главном управлении культуры, и без обиняков спросил, кто бы, на мой взгляд, мог возглавить это Общество. Перебрав несколько фамилий, я с уверенностью ответил, что есть только одна кандидатура: Андрей Петров.

Спустя несколько дней звонит мне Андрей Павлович и просит, не откладывая, зайти к нему в Союз композиторов. Я грешным делом решил про себя, что поводом явилась какая-то моя очередная публикация. Порой кого-то резко поругаешь, выступишь с излишней критикой, обидишь – всякое бывало в обозрениях.

Но Андрей Павлович меня прекрасно принимает и сообщает о том, что решено возродить Филармоническое общество и что он дал согласие стать его председателем. Услышав это, я обрадовался и начал поздравлять его с таким решением. И тут он спрашивает: не соглашусь ли я с ним поработать в должности ответственного секретаря. Для меня это был... взрыв бомбы. Придя в себя, я искренне сказал, что был бы счастлив, но при одном условии: если будут деньги. Я до того уже немного занимался бизнесом и знал, что затевать что-то серьезное без денег не имеет смысла. На что мне Андрей Павлович ответил, что государственного финансирования не будет, и деньги надо поискать самим. На том и порешили.

Я долго искал спонсора и, наконец, нашел его – им стал банк «Санкт-Петербург». Президент этого банка – Юрий Иванович Львов – узнав, что во главе возрожденного Общества встал Андрей Петров, сразу же дал свое согласие на поддержку нового начинания. Так мы и начали работу. Ну а в 2000 году Андрей Павлович позвал меня работать и в Союз композиторов в качестве продюсера фестиваля «Петербургская музыкальная весна», а затем и на должность ответственного секретаря. Тут уж мы еще больше сблизились. Редкий день мы с ним не разговаривали по телефону или не встречались. Обычно он мне сам звонил примерно в полдесятого утра и обговаривал текущие задачи.

Человеком он был удивительным. Очень уравновешенным и доброжелательным к людям. Я всегда поражался тому, как внимательно он слушал собеседника, стараясь вникнуть в суть проблемы; как принципиально воздерживался от выводов до тех пор, пока не выслушивал все стороны, участвующие в конфликте.

О той невероятной скромности, которая была присуща Петрову, можно рассказывать бесконечно. Общепризнанный мэтр, руководитель Союза композиторов, Почетный гражданин Санкт-Петербурга мог, к примеру, позвонить мне и радостно сообщить: «Ансамбль „Дайджест“ сделал обработки моих песен. Приезжайте вечером в „Петербургконцерт“, я тоже там буду, вместе и послушаем».

Приезжаю – Андрей Павлович уже в зале. Вокальный квинтет «Дайджест» исполняет его «Романс о романсе» на стихи Беллы Ахмадулиной. И действительно, с ума можно сойти от аранжировки Дмитрия Сереброва – всего пять голосов, но как звучит гармоническая вертикаль! Андрей Павлович говорит после концерта: «Я бы в жизни так не сделал. Ну, просто не слышу такую гармонию». И в этом признается знаменитый композитор! Да кто из авторов на такое способен? Пожалуй, никто. А вот Андрей Павлович не стеснялся.

Еще пример. Как-то сидим мы на концерте в Филармонии, перед которым Леонид Евгеньевич Гаккель говорит вступительное слово. Как всегда, говорит блистательно, а главное – предельно содержательно. Петров тихонько спрашивает: «Боря, вы об этом знаете?» – «Нет». – «И я не знаю. Двоечники мы с вами, Боря».

Особенно мне нравилось в Андрее Павловиче то, что в разговорах с ним о его музыке не надо было врать. Он действительно ценил откровенность. К примеру, у Петрова есть Фортепианный концерт. Моя оценка этого произведения была не очень высокой. Он это прекрасно знал и не сердился. Но, в то же время, у него есть вещи, которые я, без преувеличения, боготворю: музыка к балету «Сотворение мира», симфония-фантазия «Мастер и Маргарита», Второй струнный квартет – совершенно выдающиеся сочинения.

Правда, не все академическое творчество Петрова мне так близко. Порой казалось, что он писал симфонии и оперы лишь потому, что было надо. Но его песни и романсы – это просто чудо! Конечно же, Андрей Петров – волшебник лирической песни. И в этой сфере его творчества очень многое совершенно непостижимо! Когда пытаешься анализировать нотный текст песен и романсов Андрея Петрова, невольно вспоминаешь блистательную фразу музыковеда Бориса Каца «о небанальных банальностях» Петрова в его киномузыке и песнях. Смотришь ноты – ничего особенного вроде бы и нет. Разве что едва заметный сдвиг в мелодике, гармонии, оркестровке, ритме. Но в этом самом «чуть-чуть» и кроется волшебство!

У Андрея Павловича очень много музыки, но аналитические исследования этой музыки практически отсутствуют. Вероятно, анализировать ее очень непросто. И я догадываюсь – почему. У большинства наших композиторов многое идет от технологического мастерства. Выстраивая ткань своих сочинений, они волей-неволей выявляют свою стилистику, свое композиторское мышление. Петров же часто, особенно в мелодике, шел от наития. По сути дела, он был мелодистом, поцелованным Богом. Никто из наших академических мэтров, даже под страхом смертной казни, таких мелодий не создаст. Если бы могли – давно бы написали.

Тот же принцип Андрей Петров исповедовал и при написании сочинений крупной формы. Меньше всего он был технологом по «выращиванию» симфонических и оперных полотен. В своих симфониях он, прежде всего, шел от мелодического тематизма, связанного с литературными ассоциациями. И не случайно все его симфонии написаны «по прочтении» какого-либо литературного произведения.

В это трудно поверить, но мэтр Петров, иногда осознавая свое НЕДОзнание (и такое бывало), не стеснялся спросить у коллег, посоветоваться с друзьями.

Но и сам никогда не отказывал коллегам в совете, всегда готов был внести конструктивное предложение. Отношение Петрова к новой музыке было весьма своеобразным. Бывало, выйдет после той или иной премьеры в концертном зале Дома композиторов и спрашивает: «Боря, как вам?» Я, как правило, отмалчиваюсь – неловко как-то сразу раздавать оценки. А он и говорит: «Если это – музыка, то я – не композитор, а если это – не музыка, то зачем я сидел и слушал?»

Но в то же время официально он никогда не позволял себе сказать: «Это плохо... Это не годится... Это не то». Он исходил из другого постулата. «В нашем Союзе, – говорил он, – состоят только талантливые и очень талантливые композиторы». Такая уж у него была установка.

Доза удовольствия: сигарета после работы, под чашечку кофе. На даче. 2005

Причем в последние годы это стало выливаться, быть может, даже в некоторую крайность. Раньше на заседаниях творческих секций Союза композиторов новые сочинения горячо и нелицеприятно обсуждались. Случалось, их резко критиковали, а бывало – правда, реже, – и хвалили. Но в начале 1990-х этот принцип как-то незаметно сдал позиции. Четыре ведущие секции трансформировались в одиннадцать секций и ассоциаций, и атмосфера большинства из них стала чересчур комплиментарной. Но Андрей Павлович считал, что в нашем деле нет пророков и ярлыки навешивать не надо. Жизнь сама все поставит на место. Может быть, он был прав, а может быть, и нет. Во всяком случае, отрицательных оценок он не давал никогда.

Многие композиторы были ему близки. Некоторые – особенно. Он очень любил Бориса Тищенко, Валерия Гаврилина. Ценил Александра Кнайфеля. Более сдержанно относился к музыке Сергея Слонимского, хотя и отдавал дань его мастерству и таланту. И Слонимский это чувствовал. Между ними было какое-то недопонимание. Вместе с тем уже после кончины Петрова я как-то поинтересовался у Сергея Михайловича объемом его новой симфонии. И он ответил: «Ну, ваш шеф ведь говорил, что больше двадцати минут сегодняшняя публика академическую музыку воспринимать не в состоянии. Вот я и следую его завету». И, быть может, в этом шутилом ответе Слонимского была не только шутка. Во всяком случае, все его последние симфонии длятся не более 25 минут. И никаких проблем с восприятием – легко, доступно, а мне так даже иногда и «голодно»...

Однако формула «все хорошо» отнюдь не означала, что у Петрова не было своего мнения по поводу сочинений его коллег. Когда Большой театр привез в Санкт-Петербург нашумевшую оперу Леонида Десятникова «Дети Розенталя», оценки разошлись. К примеру, заместителю Петрова – Григорию Корчмару – опера очень понравилась: его пленило множество аллюзий и реминисценций. Я же пыхтел от возмущения, хотя Десятникова люблю – талантливейший

композитор, – но в этой опере он был мне неинтересен. И Петрову не понравилось. Он улыбнулся и сказал: «Московские понты!» Вот так – не музыкально, а эмоционально – Петров обозначил свое отношение к этой опере.

Очень много мне рассказывал Петров о Хренникове – о том, как Тихон Николаевич, глава Союза композиторов СССР, учил его, молодого председателя Союза ленинградских композиторов, азам руководства. Пересказать все это трудно, но один из характерных эпизодов описать попробую.

Звонит Хренников из Москвы: «Андрей, такого-то числа секретариат. У нас один тут сотворил такое! Будем гнать его из партии и из Союза. Каленым железом будем выжигать. Обязательно приезжай!» Петров кладет трубку, нервничает: как быть, как вести себя на том секретариате? Проходит некоторое время, и уже Петров звонит Хренникову с вопросом: состоится ли секретариат в назначенное время? В ответ же слышит: «А, ты про этого? Каленым железом! Но мы тут решили на месяц перенести. Приезжай обязательно!» Через месяц Хренников вновь поминает «каленое железо», но говорит, что должен срочно лечь в больницу. Секретариат вновь переносится. Проходит еще месяц, все утихает, вопрос спускается на тормозах. Вот так (или примерно так) Хренников уходил от острых решений, оберегая тем самым своих коллег, хотя на него и давили сверху.

Андрей Павлович, по его словам, далеко не сразу, но тоже овладел этим искусством и стал настоящим асом на своем посту. К примеру, наш Союз композиторов – единственный творческий союз в стране, которому удалось полностью сохранить свое имущество. Когда все вокруг распродалось и разворовывалось, петербургские композиторы сумели сберечь и Музфонд, и Дом творчества в Репине, и свой Дом на Большой Морской. И в этом немалая заслуга Петрова.

К счастью, Андрей Павлович был консерватором, и на новые, подчас сомнительные веяния не сразу откликался. Он говорил: «Спокойно! Надо все обдумать, взвесить, и не торопиться». Чудовищная нищета тех лет провоцировала продать и то, и это, чтобы как-то выжить. Но Петров от таких решений умело уходил. Виртуозно сохраняя прекрасные отношения с властями, он в нужный момент обращался к ним за помощью. И власти, заслуженно любившие его и в прежние, и в новые времена, как правило, в помощи не отказывали.

Во всех внутренних конфликтах, которые – что тут скрывать – хоть и не часто, но случались, Петров умел и твердость проявить, и показать характер. В начале 1990-х группа молодежи вдруг решила найти себе нового лидера и сменить власть в Союзе композиторов. Конечно, ничего у них не получилось – Петров с соратниками сумели удержать бразды правления. Но переживал Андрей Павлович страшно. И, тем не менее, сохранил самообладание, проявил себя умелым стратегом, никогда не опускаясь до сведения счетов.

Вообще Петров был «тихарильщиком» и открывался крайне редко. Умел отмалчиваться и как бы не слышать вопросов. Бывало, не поймешь, о чем он думает. Мы с Григорием Корчмаром научились понимать его по еле уловимым нюансам. Петров прошел такую школу общения с властями, с коллегами, друзьями и недругами, что никогда не выказывал своих чувств открыто. Меня же за излишнюю открытость ругал часто: «Ну к чему, Борис, такая эмоциональность?! Мы все равно сделаем так, как надо. И нечего вскипать! Нечего на чью-то глупость или обидные слова реагировать. Каждому свойственно ошибаться. Вам тоже. Если вы даже сто раз правы, не надо показывать это сразу...»

Правда, и хвалил нередко. Он считал, например, что мне нет равных в составлении различных писем, документов, справок. «Вам надо бы открыть свою консалтинговую контору и назвать ее „Даю советы“, – говорил Петров. – Тогда вы стали бы миллионером». Сам же Андрей Павлович писать бумаги очень не любил и всячески старался уйти от этого неблагодарного занятия.

После кончины Петрова мы все действительно осиротели. И были очень испуганы – не знали, как быть и что делать. Но главное – всем нам хотелось сохранить тот дух и стиль Союза,

которые были заложены Петровым и тщательно им охранялись. Удалось ли это нам – жизнь покажет. По крайней мере, мы стремимся к этому и стараемся, чтобы ничего не поменялось, не сломалось, не пропало.

Когда он был жив, мы знали: случись что, Андрей Павлович найдет выход. К примеру, спонсоры его просто обожали. А когда его не стало, многие из них сказали мне: «Знаем, ты – хороший парень. Но ты ведь не Петров!» И мы лишились нескольких финансовых источников. К счастью, нас поддержала Валентина Ивановна Матвиенко – выделила из резервного фонда средства на ремонт электрики, на два новых концертных рояля. Жаль, Андрей Павлович их не увидел. Он так мечтал о новых инструментах, но просить деньги стеснялся.

Исполнение вокально-симфонических фресок «Петр Первый» в Капелле. 1985

Очень любил Андрей Павлович наш Дом творчества в Репине, особенно зимой. Как он говорил, снег закрывает нищету и ничто не раздражает. Уезжая в Репино, он, практически не выходя из коттеджа, упорно работал. Причем в последние годы работал трудно. Жаловался: «В молодости не успевал записывать все то, что приходило в голову. А сейчас приедешь – тут тебе и комфорт, и рояль, а вот прежнего запала нет». Но он садился и работал.

Хорошо помню ту зиму, когда Петров писал свою последнюю симфонию «Прощание с...». Он очень волновался: как примут это сочинение коллеги, как отнесется публика? Сам Андрей Павлович считал, что именно в этой симфонии ему удалось найти немало нового и интересного. Вообще, в его уходе немало мистического – взять и написать «Прощание с...». Быть может, он что-то предчувствовал...

В быту Петров был удивительно неприхотлив. Ел Андрей Павлович настолько мало, что в это трудно было поверить. Прихожу к нему утром – он завтракает: небольшой кусочек хлеба делится на четыре части, намазывается очень тонким слоем масла и на каждый кладется крошечный пластик сыра. Это бутерброды. На десерт же делается еще нечто в том же роде, но с печеньем. Тоже чуть-чуть масла, чуть-чуть сыра. Ну и маленькая чашечка кофе... Всё. В поездках нас повсюду щедро угощали. Еще бы: сам Петров приехал! Стол ломится, а он съест пару ложек супа, чуть-чуть второго, что-нибудь еще – и баста.

Петров курил. Но как! Мы с Гришей Корчмаром выкуривали по две пачки, а он – пять-шесть сигарет в день. Причем когда работал – не курил. «Ребята, – говорил Андрей Павлович, – ну что ж вы так смолите? Надо налить рюмочку или чашечку кофе, тогда и сигаретку можно закурить». В Доме композиторов, в его приемной, до сих пор сохранились его любимые маленькие чашечки, ложечки, сервизик за шкафом, сахарок. Ничего не поменялось. Как было заведено, так все и осталось...

Из спиртных напитков Петров предпочитал виски. Хотя никогда не отказывался чуть-чуть пригубить хорошего коньяка, граппы, сливянки. Пил он по капельке, под чашечку кофе и сигарету. Приучил к виски и меня. В начале 1990-х я часто приходил к нему домой – документы подписать, посоветоваться. И, провожая, Андрей Павлович каждый раз предлагал: «По капельке, на ход ноги!» И наливал в красивые стаканы виски, на полпальца. Я говорю: «Так самогонка же, невкусно!» А он: «Попробуйте, а вдруг понравится?» Ну я и пробовал – по капельке. На пятый или шестой раз меня как пробило – я выпил и попросил еще. Вдруг вкус почувствовал. Радости Петрова не было предела: «Ура! – ликовал он. – Нашего полку пришло!»

Мы знали, что Петров был по натуре весьма влюбчивым. Сам он говорил об этом так: «А что вы хотите? Влюбляешься – и пишешь! Речь не о супружеской измене. Семья – это святое! Но благодаря сильному чувству рождается новая песня. Обязательно нужна влюбленность. Чем все кончается – это не важно. Но только без этого состояния мелодия не рождается». Для меня это признание послужило еще одним подтверждением того, что предметом музыки является любовь и только любовь, во всех ее проявлениях.

Однажды Андрей Павлович спросил меня с чуть заметным оттенком иронии: «А вы себя не чувствуете, Боря, несколько ущербным в своей гетеросексуальности?» – «С чего это вы, Андрей Павлович?» – «А я вот уже чувствую свою ущербность. Вокруг нас так много чего-то иного...» Таким был его шуточный комментарий к своей «старомодности».

А вот чего ужасно не любил Андрей Петров, так это праздновать на людях свои дни рождения. Хотя других с этими датами старался поздравить обязательно. Сам же Петров в день рождения всегда уезжал в другой город, а то и за границу. Терпеть не мог все эти трафаретные букеты, дежурные подарки и слова. И крайне резко относился к тем чиновникам, которые в дни своего рождения благосклонно принимали вереницы посетителей с цветами и коробками.

Вот это он открыто ненавидел и костерил последними словами. И все никак не мог понять, почему начальники не пресекают, а часто даже поощряют это безобразие. Только вот на свои юбилеи он сдавался: куда было деваться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.